

УДК 340.12

ББК 67.0

DOI 10.24411/2073-3313-2019-10149

ПРИРОДА И СОДЕРЖАНИЕ ПРАВОПРИТЯЗАНИЙ КАК ОСНОВАНИЕ ИХ РАЗЛИЧЕНИЯ, КЛАССИФИКАЦИИ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВИДОВЫХ ХАРАКТЕРИСТИК

Игорь Игоревич МАЗУРОВ, адъюнкт
кафедры теории государства и права
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя, капитан внутренней
службы МВД Республики Беларусь
E-mail: igor_mazurov@tut.by

Научная специальность: 12.00.01 — теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

Аннотация. В статье рассматривается одна из основных проблем правового регулирования, которая заключается в адекватном учете потребностей и интересов граждан, их правоприязаний в процессе правового регулирования. Определяются возможность и критерии выявления потребностей и интересов граждан на основании природы и содержания их правоприязаний. Правоприязания рассматриваются в качестве основного способа выражения потребностей и интересов, правового в своей сущности и, следовательно, конструктивного диалога.

Ключевые слова: правоприязание, признание, потребности, интересы, правовое регулирование, правосознание, правовой актор.

Annotation. The article deals with one of the main problems of legal regulation, which is to adequately take into account the needs and interests of citizens, their legal claims in the process of legal regulation. It identifies the possibility and criteria for identifying the needs and interests of citizens based on the nature and content of their legal claims. Legal claims are considered as the main way of expressing needs and interests, legal in essence and, therefore, constructive dialogue.

Keywords: legal claim, recognition of claim, needs, interests, legal regulation, legal awareness, legal actor.

Научный руководитель: А.И. Клименко, профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент

Рецензент: А.А. Мелькин, доцент кафедры юриспруденции Смоленского филиала РАНХиГС, кандидат юридических наук

Важнейшей задачей, от решения которой зависит благополучие современного правового государства и гражданского общества, является обеспечение эффективности правового регулирования и, в частности, оптимального сочетания частных и публичных интересов.

Зачастую в процессе правового регулирования под влиянием ряда причин и факторов могут быть не учтены некоторые виды потребностей и интересов, что в итоге приводит к необос-

нованному подавлению частных интересов публичным интересом (или тем, что за него выдается) и делигитимации всей правовой системы. Такие причины и факторы могут быть как внешними по отношению к работе законодателя и правоприменителя, так и внутренними, обусловленными самим характером их деятельности.

Например, в первом случае лоббизм узкой социальной группой (классом) своих потребностей и интересов, а, следовательно, правоприязаний, институционализируемых в нормах пра-

ва, может ограничивать юридические возможности для удовлетворения потребностей и интересов другой, более широкой социальной группы (класса).

Во втором случае правоприменитель или законодатель в результате неэффективного правового регулирования или стремления отдельных должностных лиц к монополизации власти и обеспечению своих частных интересов (или попросту в силу своей некомпетентности) могут пренебрегать запросами и потребностями других правовых акторов¹.

Поэтому постановка цели повышения эффективности правового регулирования, сопряженного с обеспечением прав и свобод, интересов и потребностей человека юридическими средствами, несомненно, релевантна целям современного правового дискурса, однако значимость их декларирования и юридического закрепления нивелируется нереализованностью.

Как справедливо заметил Д.А. Керимов, «отрыв от фактов действительности, пренебрежение предпосылками ее развития, непонимание реальных взаимосвязей и отношений правовой жизни превращают правовую возможность в фикцию, лишенную объективного содержания»².

В свою очередь, реализация потребностей и интересов человека в юридической сфере осуществляется за счет деяний, обладающих своей особой природой и содержанием, — правопритязаний. И если природу правопритязаний как определяющую явление первосущность урегулировать правовыми средствами не представляется возможным по объективным причинам, то их содержание в контексте правового регулирования представляет наибольший интерес. Тем не менее в условиях построения правового государства, декларирующего в качестве высшей ценности человека, его права и свободы³, природа правопритязаний приобретает значение наиболее существенного маркера для деятельности субъектов правотворчества.

В связи с этим одной из основных целей правового мониторинга является создание такого эффективного механизма правотворчества и реализации его результатов, который предполагает отражение общественных потребностей как на стадии правотворческой, так и на стадии правоприменительной деятельности, а также стадии осуществления правосудия⁴.

Вместе с тем возникает закономерный вопрос: что же представляют собой эти самые общественные потребности и интересы, какие они

и в чем выражаются?. Извечность поставленного вопроса соответствует степени его актуальности сегодня.

Для того чтобы выявить содержание актуальных потребностей и интересов в правовой действительности, необходимо обратиться к одному из основных способов их инициативного выражения — правопритязаниям. Именно при их посредстве правовой актор реализует свои потребности и интересы, достигает поставленных целей в правовой сфере. Будучи обращенным к другим правовым акторам или субъектам формально-юридического признания, правопритязание уже содержит предполагаемое право как абстракцию и, одновременно, в специальной (аскриптивной) форме заявляет о нем. Поэтому правопритязание предполагает безопасный и конструктивный диалог, конвенцию⁵.

В виду того, что правопритязания опосредованно нацелены на удовлетворение целого спектра потребностей и интересов, можно опираться на критерии их дифференциации, предложенные В.Н. Кудрявцевым⁶.

Таким образом, мы выделяем, *во-первых*, правопритязания в зависимости от степени реализуемых потребностей:

- а) минимальные,
- б) стандартные,
- в) допустимые,
- г) чрезмерные.

Например, подлежит признанию правопритязание на реализацию самых минимальных, базовых потребностей — сохранение своей (или других лиц) жизни и здоровья путем причинения вреда в условиях крайней необходимости, если иным способом не представляется возможным устранить эту опасность⁷ — когда в иных случаях такое «притязание» было бы признано противоправным. В то время как правопритязания, направленные на реализацию чрезмерных потребностей, рискуют оказаться непризнанными или вовсе быть квалифицированы как правонарушения⁸.

Во-вторых, выделяем правопритязания по характеру (уровню) потребностей и интересов:

- а) биологически-обусловленные,
- б) социально-обусловленные,
- в) идейно-ценностные (духовные).

Указанная классификация призвана обеспечить комплексный и сбалансированный учет потребностей и интересов в процессе правового регулирования с целью создания условий для всестороннего и гармоничного развития человеческой личности и, следовательно, общества.

В-третьих, мы говорим о классификации правопритязаний в зависимости от потребностей и интересов, которые присущи определенной группе правовых акторов, социальной стра-те или классу.

Так, в случае с частной правовой ситуацией (т.е. на индивидуальном уровне)⁹ целесообразно учитывать, оценивать, защищать и примирять опосредуемые правопритязаниями потребности и интересы отдельных правовых акторов, включенных в данную правовую ситуацию, с целью обеспечения в процессе ее правового регулирования справедливости, гибкости и оперативности, максимального учета индивидуальных прав и свобод, потребностей и интересов. В свой черед на социальном уровне целесообразен мониторинг, выявление, обеспечение компромисса, конвенции и справедливого баланса потребностей и интересов разных социальных групп, что особенно актуально для правовой политики, правовой идеологии.

Помимо проблемы расхождения публично-го интереса и частных интересов, которая в современных государствах возникает все чаще и проходит в более острых формах (что мы можем наблюдать на примере протеста «Желтых жилетов»), существует проблема различия интересов между отдельными социальными группами (стратами) и более глубокая проблема разногласий между потребностями и интересами разных классов, их правопритязаниями, которая зачастую затушевывается либеральными представителями социологии права и их последователями¹⁰.

Очевидно, что в настоящее время вести о речи о достижении общесоциального компромисса и соответствующей реализации правопритязаний всеми социальными группами пока рано.

Следует отметить, что поскольку природа правопритязаний не ограничивается исключительно потребностями и интересами, постольку ее анализ также дает представление о намерениях, мотивах, волевых качествах и правовой культуре правового актора.

Конечно, реализовать потребности и интересы возможно и противоправными способами, однако, учитывая непризнание и социальное осуждение (как способа реализации, так и самих «интересов», обычно безнравственных по своей сути), а также абсолютное статистическое меньшинство таких способов в сравнении с правопритязаниями, правонарушение как методологическая предпосылка для выявления и анализа актуальных потребностей и интересов, как правило, не применяется.

Однако, как показывает юридическая практика, такой подход исключать нельзя. Например, при реализации правопритязаний в форме забастовки, которая в последующем признается судом незаконной; данные правопритязания также формально-юридически признаются произволом и оцениваются как неправомерные, что влечет соответствующую юридическую ответственность ее участников. При этом потребности и интересы участников забастовки четко артикулированы в излагаемых ими требованиях. Впрочем, согласимся с мыслью А.И. Клименко о том, что добываемые права «всегда балансируют на грани права и индивидуального произвола»¹¹.

С учетом того факта, что содержание правопритязаний обусловлено субъективными правами, наиболее полная дескрипция содержания правопритязаний возможна на основе анализа видов субъективных прав¹².

Таким образом, мы выделяем следующие правопритязания:

а) на право-свободу, где содержанием соответствующего правопритязания является право в рамках широко регламентированного (или нерегламентированного вовсе) поля, в котором отсутствует «правовой» коррелят (иначе говоря, отсутствуют права, противоречащие данной свободе правообладания)¹³;

б) на право-привилегию, где содержанием правопритязания является свобода как исключение из общего запрета, а «противопоставленная обязанность имеет содержание, точно противоположное содержанию привилегии»¹⁴. Коррелятом по отношению к привилегии так же, как и в случае с «правом-свободой», выступает «отсутствие права»¹⁵;

в) на право-правомочие (полномочие), где содержанием правопритязания является изменение прав и обязанностей другого правового актора или их группы. Коррелятом правомочия является «подчинение» (иначе говоря, правовой актор обязан принять оказываемое на него воздействие)¹⁶;

г) на право-требование, где содержанием правопритязания является исполнение юридической обязанности другим правовым актором. Соответствующий коррелят по отношению к требованию — это обязанность¹⁷;

д) на право-иммунитет, где содержанием правопритязания выступает свобода от юридической силы некоторых юридических отношений (например, или при получении налоговых льгот).

Актуальность данной классификации обуславливается тем, что она обеспечивает возможность для моделирования требуемого содержания правопритязаний, а также их юридической оценки субъектами правового регулирования.

Таким образом, четкое понимание того, что за правопритязаниями, по меткому выражению А.И. Клименко, «рождающими право»¹⁸, стоят конкретные потребности и интересы правовых акторов, а также их научное осмысление, дифференциация и применение этих знаний в юридической практике являются одним из фундаментальных условий для преодоления дисфункций правового регулирования и, следовательно, последующей делигитимации правовой системы.

Такой научный подход, предполагающий конкретную классификацию правопритязаний, позволяет рационально и наиболее оптимально учитывать потребности и интересы правовых акторов в процессе правового регулирования.

¹ Кузнецова Е.Е. Бюрократизм как фактор снижения функциональности государственного управления // Дискуссия. № 7 (81). С. 63—70.

² Керимов Д.А. Философские проблемы права. М.: Мысль, 1972. С. 349.

³ См.: Конституция РФ, ст. 2 // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

⁴ Правовой мониторинг: Учеб. пособие. М.: ИД «Юриспруденция», 2012. С. 20.

⁵ Мамонтов А.Г. Состязательность как природа права // Вестник экономической безопасности. 2016. № 6. С. 95.

⁶ Кудрявцев В.Н. Правомерное поведение: норма и патология. М.: Наука, 1982. С. 104—105.

⁷ См.: Гражданский кодекс РФ, ст. 1067 // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

⁸ Например, в случае злоупотребления доминирующим положением на рынке. См.: Гражданский кодекс РФ, ст. 10 // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

⁹ Харт Г.Л.А. Философия и язык права. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2017. С. 27.

¹⁰ См. о либеральном направлении отечественной социологии права: Трофимов В.В., Свиридов В.В. Правовая наука и коммуникативная теория общества (к проблеме модернизации социально-философских оснований правовых исследований): Монография. Тамбов: ИД ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. С. 20—43.

¹¹ Клименко А.И. Антиномии идеи права и серьезное отношение к правам // Закон и право. 2018. № 12. С. 17.

¹² Для определения вида субъективных прав мы используем классификацию, предложенную У.Н. Хофельдом. (См.: Хофельд У.Н. Основные юридические понятия. СПб.: Алеф-Пресс, 2016. С. 58—91).

¹³ Хук М.-ван. Право как коммуникация. СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум», 2012. С. 137.

¹⁴ Хофельд У.Н. Указ. соч. С. 63.

¹⁵ Там же. С. 63.

¹⁶ Хук М.-ван. Указ. соч. С. 137.

¹⁷ Там же. С. 136.

¹⁸ Клименко А.И. Система источников права человека // История государства и права. 2008. № 3. С. 4.

Библиографический список

1. Конституция РФ от 12.12.1993 г. (с послед. изм. и доп.) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (с послед. изм. и доп.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Гражданский кодекс РФ (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (с послед. изм. и доп.) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
4. Керимов Д.А. Философские проблемы права. М.: Мысль, 1972. 472 с.
5. Клименко А.И. Антиномии идеи права и серьезное отношение к правам // Закон и право. 2018. № 12. С. 15—18.
6. Клименко А.И. Система источников права человека // История государства и права. 2008. № 3. С. 3—6.
7. Кудрявцев В.Н. Правомерное поведение: норма и патология. М.: Наука, 1982. 287 с.
8. Мамонтов А.Г. Состязательность как природа права // Вестник экономической безопасности. 2016. № 6. С. 92—95.
9. Правовой мониторинг: Учеб. пособие / Под ред. Ю.А. Тихомирова, Д.Б. Горохова. М.: ИД «Юриспруденция», 2012. 415 с.
10. Трофимов В.В., Свиридов В.В. Правовая наука и коммуникативная теория общества (к проблеме модернизации социально-философских оснований правовых исследований): Монография. Тамбов: ИД ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. 139 с.
11. Харт Г.Л.А. Философия и язык права / Пер. с англ. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2017. 384 с.
12. Хофельд У.Н. Основные юридические понятия / Сост. и пер. с англ. А.А. Гайдамакина. Науч. ред. М.В. Антонова. СПб.: Алеф-Пресс, 2016. 326 с.
13. Хук М.-ван. Право как коммуникация / Пер. с англ. М.В. Антонова и А.В. Полякова. СПб.: ИД С.-Петерб. гос. ун-та, ООО «Университетский издательский консорциум», 2012. 288 с.